

Реальность, кроющаяся за «Игрой в кальмара»

В сериале показано сильное неравенство и жестокая конкуренция в современной Южной Корее. Их истоки лежат в модели развития 1970-х годов.

По мере того как южнокорейский сериал на Netflix «Игра в кальмара» приобретал широкую популярность во всем мире, рос интерес к неравенству, социальной несправедливости и жесткой конкуренции в современном обществе в Южной Корее. Сериал показывает Южную Корею как двуличное общество, где привлекательность и опасности капитализма, потребности и страхи людей, а также свобода и жестокость конкуренции доведены до абсурда. И эта демонстрация противоречий страны не так уж далека от истины.

Например, Южная Корея имеет самый высокий в мире показатель приема в университеты, десятое место по величине валового внутреннего продукта (ВВП) в мире, самый высокий уровень покрытия Интернета и лучшее электронное правительство в ОЭСР. В то же время длительный рабочий день, жесткая конкуренция, крайнее неравенство, высокий уровень бедности, большое количество временных работников, а также слабая система социальной защиты – все это усугубляет повседневные трудности многих людей.

Как страна к этому пришла? Чтобы понять ее траекторию, нужно вернуться к истокам экономической модели Южной Кореи 1970-х годов. В то время Южная Корея привлекала внимание мировой общественности как образцовый случай «поздней модернизации», «догоняя» Запад в соответствии с немецкой или японской моделью, и как один из «четырёх азиатских тигров» наряду с Тайванем, Гонконгом и Сингапуром. Эта страна имела низкий уровень доходов в 1960-х годах, но присоединилась к группе стран с высоким уровнем доходов в 2010-х, а это достаточно редкий случай. Плодами развития экономики здесь смогли воспользоваться не только многочисленный высший класс, но и достаточно большая группа,

которую составляет средний класс.

Авторитарный девелопментализм в Южной Корее

Экономический успех Южной Кореи был основан на режиме девелопментализма – ускоренного индустриального развития, при котором экономический рост ставился выше других ценностей, таких как социальная солидарность, основные права и защита экосистемы. Во время диктатуры, продлившейся до 1987 года, союз политики и бизнеса консолидировал парадигму политики развития и институциональные структуры.

Это авторитарное государство и его корпоративные союзники сформировали многие характеристики режима, включая абсолютизацию частной собственности, приоритет корпоративных прибылей, доминирование частного благосостояния и прославление предполагаемого эффекта «просачивания» благ сверху вниз. В то же время право на объединение и политическая организация рабочих были жестко ограничены во время авторитарного режима Южной Кореи. До его окончания в 1980-х годах соотношение государственных расходов на социальное обеспечение и ВВП составляло менее 2 процентов, а базовые системы социального страхования не были полностью внедрены до конца 1990-х годов.

После изменений в мировой экономической среде, начавшихся в середине 1990-х годов, условия занятости, работы и доходов в Южной Корее значительно ухудшились

Несмотря на эти принудительные и исключительные черты режима ускоренного индустриального развития, ему в значительной степени удавалось удовлетворять как потребности экономического роста, так и необходимость поддерживать равенство – до середины 1990-х годов. Промышленность продолжала развиваться; экономический рост сопровождался повышением занятости; уровень бедности снизился; а неравенство оставалось низким, по крайней мере с начала 1980-х до середины 1990-х годов.

В условиях, когда автономные собрания и социальная солидарность не допускались, люди из всех сил пытались увеличить богатство и престиж: покупали землю и жилье, находили хорошую работу, поступали в университеты. Однако такие индивидуальные попытки

достичь успеха способствовали формированию социального порядка, напоминающего игру на выживание в «Игре в кальмара», от которой постоянно возникают боль и тревога.

Сложности (не)организованного труда

После изменений в мировой экономической среде, начавшихся в середине 1990-х годов, условия занятости, работы и доходов в Южной Корее значительно ухудшились. В частности, решающим поворотным моментом стал азиатский финансовый кризис 1997 года и последующие структурные изменения экономики в стране. Количество временных работников – тех, кто не пользуется стандартными законодательными положениями о защите труда – резко возросло с 2000-х годов. В 2021-м, по данным Службы статистики Кореи, временные работники составляют 38,4 процента наемных работников, а среди женщин эта цифра достигает 47,4 процента. В последнее время быстро растет число так называемых зависимых самозанятых работников, таких как специальные рабочие, работники через мобильные приложения и фрилансеры, в то время как институциональные изменения для их защиты происходят медленно.

В результате с середины 2000-х годов неравенство и бедность значительно выросли. Коэффициент Джини располагаемого дохода в Южной Корее в 2018 году составил 0,345, что является одним из самых высоких уровней в ОЭСР, в то время как уровень относительной бедности в Южной Корее составил 16,7 процента и является третьим по величине в ОЭСР. Хуже, чем у Южной Кореи, результат только у США и Израиля. В ситуации такого крайнего неравенства уровень самоубийств в стране был на первом или втором месте в ОЭСР уже более десяти лет. Учитывая, что в Южной Корее относительно невысокий уровень преступности, похоже, что агрессия в этой стране направлена не на других, а на себя.

Несмотря на такую тревожную ситуацию, у большинства рабочих и бедных людей мало организационных и институциональных ресурсов. Уровень членства в профсоюзах в Южной Корее в настоящее время составляет менее 13 процентов, но поскольку доля самозанятых превышает 20 процентов, то членство в профсоюзах составляет лишь около 5 процентов среди всех экономически активных людей.

Почему общественные движения, пытающиеся

Более того, южнокорейские профсоюзы с трудом заручились поддержкой и доверием рабочего класса, который в

*пошатнуть систему
девелопментализма
Южной Кореи и
изменить правила игры,
не становятся сильнее?*

настоящее время составляет около 45 процентов взрослого населения Южной Кореи. Например, профсоюзы недавно провели масштабную акцию протеста в центре Сеула, но им не удалось сформулировать конкретные требования, вовлечь средства массовой информации или привлечь внимание к проблеме труда среди политиков в преддверии президентских выборов в марте следующего года.

Кроме того, у большинства южнокорейских рабочих нет системы социальной поддержки от государства. Социальное обеспечение все еще недостаточно развито, поэтому в 2018 году государственные социальные расходы составили 11,1 процента от ВВП, то есть лишь 55,5 процента от среднего показателя по ОЭСР. В том же году расходы на социальное обеспечение составили 31,6 процента от общих государственных расходов, поставив страну на второе место с конца в ОЭСР после Мексики.

Стратегия преобразования Южной Кореи

В этих условиях многочисленные опросы показывают, что большинство южнокорейцев воспринимают неравенство как наиболее серьезную социальную проблему. Следовательно, они требуют от правительства более эффективной реакции. Различия в политических настроениях и предпочтениях в зависимости от уровня дохода, наличия жилья и активов также стали более заметными, чем в прошлом. В таком случае почему общественные движения, пытающиеся пошатнуть систему девелопментализма Южной Кореи и изменить правила игры, не становятся сильнее?

Во-первых, еще есть основания мириться с южнокорейским капитализмом. Верхние 30 процентов владеют значительной долей богатства, и тревога среднего класса не настолько острая, как страдания низших классов. Во-вторых, многие участники сегментированного рынка труда являются организованными, а те, кто не является его участниками – неорганизованными. Это означает, что социальные группы, которые действительно нуждаются в изменениях, не имеют ресурсов для коллективных действий и политизации. Наконец, две основные политические партии, доминирующие в южнокорейской политике в рамках президентской

системы и мажоритарной избирательной системы, находят все больше возможностей для решения вопросов труда и неравенства, при этом не предпринимая существенных действий.

Другими словами, в современном южнокорейском обществе нет простого раскола, в котором небольшое меньшинство «хищников» доминирует над обездоленным большинством. Вместо этого общество делится на тех, кто пользуется богатством и стабильностью в рамках текущей системы, тех, кто все еще надеется на выживание и успех, несмотря на трудности, и тех, у кого надежды уже не осталось.

Следовательно, любая стратегия формирования большинства, выступающего за изменения, будет зависеть от возможности увязать расширение прав и возможностей наиболее уязвимых групп внутри системы и преобразующий потенциал обеспокоенного среднего класса. Является ли эта проблема уникальной для Южной Кореи? Всемирная популярность «Игры в кальмара», безусловно, говорит об обратном.

Джин Ук Шин

Сеул

Джин Ук Шин (Jin-Wook Shin) — профессор Университета Чунг-Анг в Сеуле с 2013 года. Он был приглашенным профессором в Свободном университете Берлина и научным сотрудником Университета им.

Гумбольдта в 2012 году. Изучал общественные движения и вовлечение гражданского общества в политику, а также участвовал в них.